

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-3-9-27

УДК: 821.161.1

Н.А. ДворяшинаСургутский государственный педагогический университет,
628417 г. Сургут, Российская Федерация

Праздник Пасхи глазами детей в мемуарах рубежа XIX–XX веков

Аннотация. В центре внимания автора статьи – осмысление мемуарных произведений отечественной словесности рубежа XIX–XX вв., которые освещают восприятие их создателями обычаев русской православной жизни, в частности, празднование Светлого Христова Воскресения. Целью работы является анализ процесса постижения его детьми во всей «простоте и невинности» детского сердца. Методологически статья базируется на комплексном подходе, включающем использование биографического, историко-культурного, историко-литературного методов. Изучение выбранных для исследования произведений позволило прийти к следующим выводам: 1) праздник Пасхи вызывал особое волнение в детях, переполняя их души чувством открытия новых жизненных ощущений и переживаний; 2) страницы детских воспоминаний о Великом дне озарены светом добра и любви; 3) в детской памяти запечатлелись самые яркие моменты в его ожидании и торжественной встрече: предпасхальные заботы, эмоции в связи с первой заутреней, праздничное богослужение с храмовым пением, колокольным звоном, народное ликование и многое другое; 4) особое место в мемуарах занимают рассказы о приготовлении пасхального стола, его главных атрибутах, разнообразии и богатстве угощений; авторами книг обращено внимание на гостеприимство, хлебосольство русских людей, на их заботу о ближнем; 5) в детских откликах Пасха представлена не только как семейный, но и как всенародный праздник, в котором было немало веселых развлечений, занимательных игр и подарков; 6) полученные в детстве впечатления оказали влияние на личностные качества авторов мемуаров, на отношение к вере, на выбор жизненного пути. Душевные порывы, переживания, испытанные детьми в эти дни, сыграли важную роль в формировании их нравственных основ, возвысили в сознании само чувство Родины, с только ей свойственным даром так понимать и хранить православные святыни, видя в них истинные духовные ценности.

Ключевые слова: мемуарная литература, книги о православных традициях, детские воспоминания о пасхальных днях, атмосфера праздника Светлого Воскресения, память детства, нравственные уроки, народные традиции и формирование личности ребенка

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Дворяшина Н.А. Праздник Пасхи глазами детей в мемуарах рубежа XIX–XX веков // Литература в школе. 2023. № 3. С. 9–27. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-3-9-27

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-3-9-27

N.A. Dvoryashina

Surgut State Pedagogical University,
Surgut, 628417, Russian Federation

The Easter Holiday through the eyes of children in memoirs at the turn of the XX century

Abstract. The author focuses on comprehending the memoirs of the Russian literature at the turn of the XXth century, which illuminate the perception of the customs of the Russian Orthodox life by their creators, the celebration of the Easter Sunday in particular. The purpose of the work is to analyze the process of the Easter comprehension by children in all the “simplicity and innocence” of a child’s heart. Methodologically, the article is based on a comprehensive approach, which includes the use of biographical, historical-cultural, and historical-literary methods. The study of the works selected allowed us to conclude the following: 1) the Easter holiday caused special excitement in children, overflowing their souls with a sense of discovering new life sensations and experiences; 2) the pages of children’s memories of the Great Day are illuminated by the light of kindness and love; 3) the brightest moments in its expectation and solemn meeting were imprinted in children’s memory: pre-Easter worries, emotions in connection with the first matins, festive divine service with temple singing, bell ringing, national rejoicing and much more; 3) a special place in the memoirs is occupied by stories about the preparation of the Easter table, about its main attributes, about the variety and richness of treats; 4) the authors of the books pay attention to the hospitality, welcome of Russian people, their concern for their neighbor; 5) in children’s responses Easter is presented not only as a family, but also as a national holiday, in which there were a lot of fun entertainments, entertaining games and gifts; 6) the impressions received in childhood influenced the personal qualities of the authors of the memoirs, their attitude to faith, and the choice of a life path. The emotional impulses and feelings experienced by children those days played an important role in the development of their moral foundations, raised in their consciousness the very feeling of the Motherland, with only

her inherent gift to understand and preserve the Orthodox shrines in such a way, seeing true spiritual values in them.

Key words: memoirs literature, books on the Orthodox Church traditions, childhood memories about the Easter period, the Easter day festive atmosphere, childhood memory, moral lessons, folk traditions and development of the child's personality

CITATION: Dvoryashina N.A. The Easter Holiday through the eyes of children in memoirs at the turn of the XX century. *Literature at School*. 2023. No. 3. Pp. 9–27. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-3-9-27

Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?

М.И. Цветаева

Свою главу в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», посвященную Пасхе Христовой, Н.В. Гоголь начал суждением о том, что в «русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресения» (здесь и далее выделено нами, кроме специально оговоренных случаев. – Н.Д.), причем в большей мере, по его мнению, это проявляется, когда он находится в чужой земле, вдали от родины [7, с. 185]. Однако далее писатель сокрушался, что этот «праздник небесной любви», каким он видится издали, в реальной жизни российской нередко оборачивается какой-то «карикатурой», отсутствием в нем того «светлого простодушия и ангельского младенчества, которое собирает всех <...> в одну семью». А раз так, то зачем этот праздник, ставший «незнакомым и чужим»? – вопрошал он [Там же, с. 190–191]. Но тут же, словно споря с такими мыслями, Гоголь искал в российской действительности иные примеры людских отношений и находил их. Тогда-то

и появлялась у него надежда на то, что остались еще люди, не утрачившие прекрасного младенчества, «от которого небесное лобзание <...> изливается на душу» [Там же, с. 191]. Утешало писателя и другое: все же никуда не ушли из русской жизни и сами слова «Христос воскрес!» с обязательным поцелуем, и Святая полночь, и «гулы всезвонных колоколов», пробуждающие людские сердца, и не умерли «те обычаи, которым определено быть вечными». И если это так, то не сомневался он, что преодолет русский человек, имеющий немало достоинств в «коренной природе», разные неустроенности и беспорядки в своей жизни, и укрепит в ней все то, что «освящено Самим Христом» [Там же, с. 191–192]. Выражением убежденности в том, что русские люди чувствуют и понимают праздник лучше, чем другие народы, завершал писатель свои размышления: «Знаю я твердо, что не один человек в России <...> твердо верит тому и говорит: “У нас прежде, чем во всякой другой земле, воспряднуеться Светлое Воскресенье Христово!”» [Там же, с. 193].

Поэт и мыслитель Вяч. Иванов в работе «О русской идее», как бы откликаясь на размышления Н.В. Гоголя, утверждал: «...в одной

России Светлое Воскресенье – поистине праздник праздников и торжество торжеств. Соборный внутренний опыт нашего народа существенно различается в этот момент его религиозной жизни от внутреннего опыта других народов: тем народам светлее и ближе таинственное Рождество, <...> русской душе больше говорит тот праздник, когда

...колокол в ночи пасхальной,
Как белый луч,
в тюрьме сердец страдальной
Затеplit Новый Иерусалим...»

[11, с. 369–370]

О том, что это так, что Великое событие находило самый живой отклик в сердцах русских людей, определяя их жизненный настрой, сохранилось немало свидетельств. Весьма примечательный тому пример оставила в своих воспоминаниях М.В. Волошина (Сабашникова) – племянница книгоиздателя Сабашниковых, первая жена М. Волошина: «В 1918 году, во время революции, был такой случай: на многолюдном антирелигиозном митинге старик священник под конец попросил слова. Ему не хотели давать. “Только два слова”, – просил он. “Ладно уж, скажите ваши два слова, но не больше”, – насмешничал председатель. Священник взошел на кафедру и, обратясь к народу, провозгласил: “Христос воскрес!” И будто из одной груди прозвучал многоголосый отклик: “Воистину воскрес!”» [6, с. 84].

Многочисленные мемуарные свидетельства не только подтверждают устройство русским человеком своего бытия по годовому кругу евангельских событий, но и в подробностях его раскрывают. Мы обращаемся к тем источникам, в которых, и это

особенно важно, сам образ жизни русских людей в канун и в дни Пасхи явлен наблюдениями и суждениями тех, кто сердцем своим отзывался на них в детские годы, – времена «прекрасного младенчества». В статье использованы материалы более двадцати авторов, рассказавших о своих проживаниях, переживаниях пасхальных дней на заре бытия. По своему социальному статусу это были представители разных слоев населения: купечества (М. Волошина, Е. Андреева-Бальмонт, М. Нестеров, С. Дурылин), духовенства (А. Таев), русской интеллигенции (А. Цветаева), дворянства (К. Победоносцев, К. Лукашевич, К. Боратынская, Н. Мезенцова, Н. Тэффи, О. Лодыженская, А. Вертинский), мещан (К. Паустовский). Их подвигло написание воспоминаний то благодатное чувство, о котором поэт К. Батюшков сказал: «О, память сердца! Ты сильнее / Рассудка памяти печальной» [2, с. 46].

Известная детская писательница и педагог К.В. Лукашевич, с любовью повествуя о днях своего детства – «лучшего, – по ее словам, – дара на земле», признавалась, что праздники Рождества и Пасхи были для нее большим, счастливым явлением: «В моих воспоминаниях детства эти великие праздники выступают яркими, огромными светлыми картинками. Для детского воображения они были полны таинственной радости, верилось в возможность чудес» [17, с. 7].

Таковыми чувствами окрашены и мемуары других авторов. Взгляд детей на празднование Светлого Воскресения, восприятие ими всех событий, с ним связанных: ожидание, подготовка к нему, поведение членов семьи, родных и знакомых, оценка общей атмосферы и настроения в этот

период – позволяют многое увидеть в жизни русского человека, представленное во всей неискушенной детской правде, чистоте признаний и живой радости. На эту особенность душевной организации детей обратил внимание в своем «Слове пастыря» Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Чувствования ребенка чисты и не подавляются могуществом инстинктивного начала, а потому и восприятие сверхчувственного мира происходит в простоте и невинности сердца, без помех со стороны каких-либо видимых и невидимых преград и средостений, которые во множестве присутствуют в сознании взрослых людей. Именно благодаря этой чистоте сердца религиозное переживание ребенка отличается особенной яркостью и значительностью» [14, с. 213].

Такие впечатления: непосредственные, искренние, а потому и яркие – оставили в своих мемуарах авторы произведений, к которым мы обратились. Они закономерно воспринимаются как часть того замечательного и самобытного явления, которое М. Волошина назвала «Детство в старой России» [6, с. 13]. Что же из своих детских ощущений, переживаний запечатлели жившие в той России?

С разной степенью полноты, подробностей содержатся в мемуарах рассказы о подготовке пространства дома к празднику. Общим для всех авторов является указание на то, как наводились в нем чистота и порядок. Это было желание избавиться от всего ненужного, застарелого, стремление внести в жизнь обновление и свежесть, сначала внешне, а потом уж и внутренне очиститься от плохого, скверного. И происходило это не только в Чистый (Великий) чет-

верг, который отсылает нас к одному из важных эпизодов Евангелия, но и в другие дни. Так, известный государственный деятель, историк церкви К.П. Победоносцев вспоминал: «Вчера еще кончилось целых два дня продолжавшееся мытье, чищение и убирание; сегодня с утра целый дом смотрит заново, свеж, выметен и украшен: новым духом веет от него, духом радостного ожидания. А сегодня начались новые работы; сегодня, как только пришли от обедни, все занялись малыми делами – готовят платья, красят яйца; *дети перебирают свои игрушки и, подражая большим, чистят и моют свое маленькое хозяйство*» [4, с. 621]. Е.А. Андреева-Бальмонт – жена поэта – свидетельствовала: «Пасха справлялась у нас еще торжественнее, чем Рождество. К ней готовились целую неделю. В понедельник, вторник, среду происходила уборка дома: мыли окна, обметали потолки, выносили на двор и выколачивали мебель, ковры, драпировки, и полотеры натирали полы» [1, с. 112].

Свои уточнения в эту картину предпасхальных забот вносил писатель К.Г. Паустовский. В автобиографической повести «Далекие годы» он рассказывал: «...перед Пасхой в бабушкином доме начинался беспорядок. Женщины в подоткнутых юбках мыли фикусы, рододендроны, окна и полы, выбивали ковры и мебель, чистили медные ручки на дверях и окнах. Нас вечно гоняли из комнаты в комнату» [21, с. 36]. Все эти приготовления будоражили сознание, воображение детей, преобразовали их привычное состояние, приводя в возбуждение, связанное с предчувствием чуда. К.П. Победоносцев, передавая когда-то пережитое, признавался: «Сколько новых

толков поднялось в этом маленьком мире, сколько суеты и забот о том, что для взрослых давно потеряло всякую цену, а для ребенка составляет важное дело, великое событие! Завтра “Христос воскрес!” Завтра праздник! И никогда не понять взрослому, сколько прелести для ребенка в одном этом слове: праздник!» [4, с. 621].

Сын священника А. Таев, озаглавивший мемуары «Пасха. Из детских воспоминаний» (опубликованы в 1914 г. в журнале «Христианин», издававшемся в Сергиевом Посаде), делясь своими эмоциями накануне Великого События, также обратил внимание на некую, как ему казалось, обыденность в отношении к такому особенному дню взрослого человека, отмечая, в противовес ему, свое (ребенка) напряженное состояние, переполнявшие его чувства новизны, радости: «Дома в это время заканчивались последние предпраздничные хлопоты: чистились самовары и обувь, примерялись платья и т.д. Папа имел обыкновенные спать перед утреней. Спали также и сестры. Но я никак не мог понять, как можно спать в эту единственную, “священную и всепраздничную”, как поется в одном из тропарей пасхального канона, “спасительную”, “светозарную” ночь, и сам, действительно, во всю ночь не смыкал глаз. *Наивный ребенок! Я обо всех судил по себе. Я думал, что и другие так же молоды и счастливы, как я. Мне хотелось с кем-нибудь разделить свою радость. <...> Я не понимал того, как можно сердиться в такое время, всего за несколько часов до Пасхи, когда всем должно быть так же весело и радостно, как и мне*» [23].

Многие из авторов сохранили в памяти ожидание пасхальной за-

утрени взрослыми и особое ожидание ее детьми. Совсем маленьких родители, как правило, в храм не брали, хотя те и просили их об этом, а потому старшие, у которых было такое право, казались им счастливыми. Но зато, когда наступало время осуществления мечты, они испытывали неподдельное счастье. Важными здесь были и торжественность момента, проявлявшаяся в выборе одежды, ее особой парадности, красоте, и волнение, испытываемое накануне давно ожидаемого события. К.Г. Паустовский вспоминал: «В полночь мы отправлялись к заутрене. Меня одевали в матросские длинные брюки, в матросскую курточку с золотыми пуговицами и больно причесывали щеткой волосы. Я смотрел на себя в зеркало, видел страшно взволнованного румяного мальчика и был очень доволен. <...> Мама надевала свое праздничное серое платье, а отец – черный костюм с белым жилетом. Потом появлялась бабушка – торжественная и красивая, вся в черном шелку, с искусственным цветком гелиотропа, приколотым к корсажу. Ее седые гладкие волосы были видны из-под кружевной накладки. Платье ее шуршало, и двигалась она легко, – бабушка молодела в эту ночь. Она зажигала лампадки, после этого натягивала черные кружевные перчатки, и отец подавал ей мантилью с широкими завязками из лент <...> в зал входила тетя Надя. <...> Она не входила – она влетала, как тонкая сверкающая птица, в белом платье из легкого шелка с треном и буфами. <...> Казалось, весь свет, вся радость мира сияла в ее потемневших глазах» [21, с. 36–37]. Возвышенное состояние души передавалось и детям.

Ребенку, охваченному волнением, открывался в такие часы жизни «целый мир новых ощущений» [4, с. 623]. Особенно его впечатляло богослужение в храме, с разнообразием церковных обрядов, их последовательностью, поведением людей. Важными оказывались для него видимые и слышимые признаки праздника: освещение, одежда, цвет, «молитвенные формулы, произносимые в церкви, мелодии, которые поются там, лампы, возжигание свечей» – «*весь целостный организм храмового действия как синтеза искусств*», по определению священника Павла Флоренского [26, т. 2, с. 376]. «Все это, – пояснял он, – не просто слова и жесты, – это *священнодействия*, которые <...> отличаются таинственной, мистической, сверхъестественной силой» [Там же, т. 1, с. 649] (выделено о. П. Флоренским. – Н.Д.).

Все замечал и запоминал маленький человек, сердцем своим откликался на происходящее, а его религиозные переживания были искренни и трепетны, ибо «*религия – не рассуждение о божественных вещах, а принятие божественного в свое существо*» [Там же, с. 648–649]. К.П. Победоносцев, например, рассказывал: «*Боже мой, как билось сердце*, когда наконец в первый раз мать решила взять с собой дитя свое к Светлой заутрене. <...> Одетый по-праздничному, ночью идешь по темной еще улице – не звонили еще, в церкви темно, но она уже полна народом, всякий спешит занять свое место, и стоят все одетые по-праздничному, с новыми свечами, и носится по всему храму таинственный шепот ожидания. *Зажигают свечи* в больших паникадилах, которые никогда, кажется, не зажигали. *Как стало светло* – как

полна народом церковь, *как весело все глядят и как весело глядеть на всех*. И вот вдруг кто-то перекрестился, слышав удар соборного колокола: в самом деле ударили, другой, третий, и понеслись хором чудные, таинственные звуки, и вот наконец наш родной колокол своим густым гудением покрыл весь хор и поглотил все звуки. *Как хорошо, Боже мой! Как хорошо стоять возле матери и братьев и сестер, и слушать таинственные голоса, и смотреть во все глаза вокруг себя, и ждать, ждать всем существом своим*» [4, с. 623].

В памяти детей отразилось особое воздействие на них музыкального сопровождения храмового богослужения, его животворящей силы: здесь и колокольный трезвон, возвещающий о Светлом празднике и вызывающий всенародное ликование, и духовно благодатное пение церковного хора, мощное звучание народного моря голосов, в едином порыве отзывающегося на возглашение «Христос воскрес!» – своим: «Воистину воскрес!». Такие моменты церковной службы оказались близкими всем мемуаристам по глубине испытанных чувств, по их эмоциональной наполненности. Вот как передала свои детские переживания на Пасхальном богослужении М. Волошина: «*Все в белых платьях* мы пошли в одиннадцать часов вечера в нашу приходскую церковь. В полутьме слышен *печальный хор* – это женщины и ученики, ищущие Христа, *оплакивают* Его. Потом – *полная тишина*. Ждут первого удара колокола на колокольне *Ивана Великого* в Кремле. *И тотчас же начинают звонить колокола всех “сорока сороков” церквей в Москве и окрестностях*. Вокруг каждой церкви идет крестный ход

с хоругвями впереди, у всех в руках *зажженные свечи. Колокольный звон так силен, что заглушает хор. Вдоль улиц и на колокольнях сияют разноцветные фонарики, так что становится совсем светло*» [6, с. 84]. Ребенка впечатляли, поражали музыкальная наполненность, торжественная и возвышающая красота происходящего.

Колокольный звон воспринимается православными людьми как «голос Божий», «возвещающий о “вожде ленном небесном отечестве”», как «символ церковной духовности» [13, с. 444, 448], а потому и отношение к нему всегда было и остается почтительным. Об этом говорит, в частности, признание С.Н. Дурьлина: «В Страстную неделю и на Пасхе было приятно и сладко слушать звон. *Он льется оттуда, откуда же дождь, снег, град, оттуда же, где ветер и облака: с высоты.* В церкви все: пение, каждение, чтение, действия – все от человека, – от видимого человека. <...> А звон – он с высоты. Не видишь, откуда он. <...> Он носится над городом, как звуковое облако, белое, легкое и вольное. Он всегда и только – с высоты и с высоты. <...> Он – над человеком. Это – вольное облако, согласное с лазурью неба, и с лучами солнца, с высью и волей высоты – прекрасное облако. Только из него падают на землю не капли дождя и не белые хлопья снега, а звуки, – только звуки...» [8, с. 267].

О восприятии детьми этого вестника «града Божьего» в дни Пасхи имеется немало примеров. Так, образ московской пасхальной ночи с ее главным символом – колокольным звоном – поэтически представила в своих мемуарах А.И. Цветаева, сумев передать богатство его музыкального звучания в разнообра-

зии мелодического рисунка, тонов и обертонов, а также всю красочную («перья всех цветов и красок») и звуковую палитру Великого дня: «Ночь была – как пещера: пустая, но полная ожиданием часа, когда *прокатится над Москвой и Москвой-рекой первый удар колокола, с колокольни Ивана Великого, – и, кидаясь в его голос, заждавшимся трепетом своих голосов все колокола Москвы и всех московских окрестностей заголосят, заликуют неслышанным хоровым трезвоном, испуская в черную, как глухое сукно, ночь такое количество звуков, что, перегоняя все горелки детских игр и все симфонические концерты старших, перезванивая колокольным сияющим щебетом все колокольчики русских дорог и все весенние роши, звуки, захлебнувшись собой, вырвутся из своего царства – и тогда над Москвой-рекой полетит к ним на помощь воинство царства соседнего – слепящее серебро, золото, медь, слившиеся, жар всех Жар-птиц всех русских сказок, и, взлетая вверх, под тучи, обронит в холодные весенние воды, окаймленные огоньками, перья всех цветов и красок со всех художественных палитр. По-московски это называлось – “ракеты”. А вокруг Царь-пушки царята всех пушек, не в силах стерпеть, выпускают на свободу из жерл ядра свои суворовским и кутузовским грохотами, – и уж ничего нельзя будет понять, ни увидеть, ни услышать...» [27, с. 70].*

Тема колокольного звона на Пасху многоаспектна, ее можно развивать, обращаясь и к другим свидетельствам, например, к раннему автобиографическому рассказу А.И. Куприна «Пасхальные колокола», в котором он сообщал и о мальчишеской радости от возможности попасть

на колокольню и звонить, сколько будет угодно: «Даже в самый большой колокол!»; и об испытанном при этом удовольствии от «такого оглушительного, такого ужасного, такого тысячезвучного медного рева, что больно становится в ушах и дрожит каждая частичка тела»; и о пережитом восхищении: «Вот так музыка! Где есть в мире такая?» [15]. С.Н. Дурылин, оставивший подробное описание колокольного звона в Москве вообще, пасхального в том числе, заключал: «Первое же мое впечатление, еще ребенка, от этого колокола было потрясающее, таким оно осталось навсегда. <...> Это уже был не язык седой Москвы, это был голос древней веры в воскресшего Бога. <...> Действие кремлевского звона в эту ночь было неотразимо на всех, кто имел хоть каплю поэзии в душе» [9, с. 394].

Подробным описанием основных моментов пасхальной заутрени отличаются воспоминания М. Волошиной: «Обойдя вокруг церкви и вернувшись к церковным дверям, священник находит их закрытыми. Церковь сейчас представляет собой гроб Господень. Священник стучит. Изнутри раздается “Христос воскрес!”». *Ликующий хор* подхватывает: “Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!” Народ входит в церковь, *ярко освещенную множеством свечей*. Все приветствуют друг друга троекратным поцелуем со словами “Христос воскрес!” – и в ответ: “Воистину воскрес!”. Священник обходит алтари и открывает алтарные двери в знак того, что отныне человеку открыт доступ в духовный мир. Время от времени, обращаясь к народу, священник возглашает: “Христос воскрес!” И, подобно гулу морско-

му, звучит в ответ: “Воистину воскрес!”. *Думаю, что нет такого атеиста, – заключала автор, – который в этот миг не становился бы в сердце своем верующим* [6, с. 84]. Песенное ликование церковного хора, звучание из уст всех присутствующих в храме просветляющих песен Воскресения наполняли детские сердца духовной радостью, чувством сопричастности этому «праздников празднику», несущему с собой свет Божьего благословения.

Богослужбное пение, как указывают его историки, в отличие от музыки, имеет небесную природу, уподобляясь ангельскому пению. Оно «есть не что иное, как призыв к возвышенному образу жизни», оно настраивает душу на определенный духовный порядок, на духовное восхождение «по некоей таинственной лестнице к Богу» [См. подробнее: 18]. Это именно и подтверждает восторженное слово о нем К. Победоносцева: «О, святые песни, всякому знакомые, всякому милые! Кто из русских людей не знает и не поет вас и не отвечает на ваши звуки всем своим сердцем. И ребенок, в первый раз слышав вас, чувствует трепет праздничной радости, и старик, много раз проводивший Пасху на веку своем, когда услышит вас, как будто делается ребенком и празднует Христу детскую радость. Когда бы ни слышало вас мое ухо, когда бы ни представило воображению светлую ночь Пасхи и церковь празднующую, в душе моей расцветает и благоухает праздничное чувство. И детство, милое, давно прошедшее детство смотрится в нее и в ней отражается, и снова слышатся в ней те же надежды и обещания, которыми жила и радовалась душа в ту благословенную пору. <...> О, когда бы навсегда

удержать в душе эту гармонию, и начать бы жить, и не кончить жить – с одним этим словом, с одним этим чувством: “Христос воскрес! Христос воскрес!”» [4, с. 624–625].

Церковная пасхальная служба, пение хора, то печальное, то ликующее, торжественный глас колокольного звона, о котором поэт А.С. Хомяков писал: «И мощный звон промчался над землею, / И воздух весь, гудя, затрепетал. / Певучие серебряные громы / Сказали весть святого торжества...» [28, с. 70] – все благодатно, возвышающе воздействовало на детскую душу, оставаясь в потаенном уголке сердца на всю жизнь спасительным пристанищем. Вспоминал известный певец и поэт А.Н. Вертинский: «Великим постом на Страстной неделе посреди церкви солисты из оперы пели “Разбойника Благодарного”. Моя детская душа не могла вместить всех этих переживаний. Точно чьи-то невидимые ангельские руки брали ее и, как мячик, побрасывали вверх – к самому куполу, к небу! Как радостно и страшно было душе моей, как светло!» [5, с. 18]. Обратим внимание на главное в этом признании: на душевный восторг и духовный подъем, которыми полнились детские чувства.

Интересное признание о роли в судьбе таких душевно просветляющих звуков Святой ночи находим в мемуарах писательницы, переводчицы Н.А. Тэффи. Они чудесным образом связали, соединили ее наступившую эмигрантскую жизнь с той и с теми, что остались на родине:

«Стою долго на палубе, вслушиваясь в тишину, и все кажется мне, что несется с темных берегов церковный звон. <...>

– Да, благовест, – говорит кто-то рядом. – По воде хорошо слышно.

– Да, – отвечает кто-то. – Сегодня ведь пасхальная ночь. <...>

Пасхальная ночь!

Этот далекий благовест, по волнам морским дошедший до нас, такой торжественный, густой и тихий до таинственности, точно искал нас, затерянных в море и ночи, и нашел, и соединил с храмом в огнях и пении там, на земле, славящей Воскресение. Этот с детства знакомый торжественный гул святой ночи охватил души и увел далеко, мимо криков и крови, в простые, милые дни детства...» [25, с. 410]. И ожили в памяти автора дорогие люди, маленькой девочкой явилась к ней любимая сестра Лена, с которой тогда они, стоя рядом и глядя в темное окно, слушали Благоую весть. Промыслительными оказались для мемуаристки, плывущей на корабле в чужие земли, и эта нахлынувшая память о событиях детства, и этот колокольный звон: лишь годы спустя она узнает о том, что именно тогда, в ту тревожную ночь за тысячи верст от России умирала ее Лена... Пасхальный благовест Тэффи восприняла как некий прощальный привет от родного человека, родного дома, Родины...

Особое место в мемуарах занимают рассказы о приготовлении пасхального стола, в первую очередь, его главных атрибутов. Одни из авторов упоминают традиционный день недели, в который совершались основные действия с их подготовкой. «В четверг, – писала, например, Е.А. Андреева-Бальмонт, – начиналась стряпня: заготавливали пасхи, красили яйца, пекли куличи» [1, с. 112]. В повествовании К.Н. Боратынской – внучки поэта Е. Боратынского –

называлось другое время, при этом важным оказывалось то, что дети принимали в общих заботах свое посильное участие: «Никаких приготовлений к Пасхе на Страстной неделе до субботы у нас не было. Только в субботу появлялись вареные горячие яйца и в баночках фуксин: красный и лиловый. Я усаживалась у стола и осторожно столовой ложкой клала горячие яйца в прозрачную краску. Иногда я из хлебного мякиша делала крестик или буквы “ХВ” и наклеивала на яйцо, чтоб туда не проникала краска. Иногда обертывала яйца в разноцветные тряпочки, и они выходили пестрые, как мраморные. А из кухни уже шел запах сладких куличей. Потянешь его, бывало, носом, но сейчас же отгонишь от себя мысль о куличах, как греховную» [3].

Процесс изготовления пасох и куличей, судя по детским воспоминаниям, оказывался самым впечатляющим. Пожалуй, лучшим по своему поэтическому описанию этого «мероприятия» является рассказ С.Н. Дурылина из его книги «В родном углу». Написано так «вкусно», с таким живым ощущением этих счастливых мгновений уже теперь далеких дней, что и читателю передаются все эмоционально-восторженные переживания ребенка, захватывая его пасхальной Радостью. Поражает также и сам масштаб, размах предпраздничной страды, изобилие создаваемого, искусное мастерство в его «производстве»: «Сколько надо напечь куличей, приготовить пасох из творогу, масла и сметаны на огромную семью. Тут нужен строгий расчет: “священную” пасху со “священным” куличом, которые носили освящать к Богоявлению в заутреню, надо сделать таких размеров, чтоб всей семье, каждому

человеку хватило по куску на каждый день в течение всей светлой седмицы; задача не только кулинарно, но и математически сложная! Кроме “священной” надо наготовить пасох “для еды”. Пасха так вкусна и нежна, так ароматна и сладка (сколько ванили, миндаля, сахару, коринки, цукатов пошло в нее!), что ее едят, как пирожное, как сливочный крем или пломбир. Но разница та, что крему дадут в конце обеда по небольшой порции, а пасхи можно сколько угодно есть и за утренним, и за дневным чаем, и так в течение семи дней. Но мало того, “неосвященная” пасха делалась и разрешалось ее есть в течение всех шести недель “цветной триоди”, вплоть до Вознесенья. О, как широко пользовался каждый из нас этим правом законного, торжественного, свыше благословенного обычая и обрядом, лакомства! И какое трудно исчислимое количество пасох приходилось делать матери с Петровной! Пасхи делались по разным рецептам, разных составов: вареные и невареные, сметанные и творожные, шоколадные и фисташковые. *Это было сложное искусство, требовавшее напряженного внимания и умения*» [9, с. 118–119]. Да, русские люди владели этим искусством, у каждой хозяйки были свои секреты приготовления этих символов пасхального обряда, которые бережно хранились и передавались из поколения в поколение.

После долгих дней Великого Поста, ограничений в еде не могли не поражать детей в Светлое Христово Воскресенье богатые, красивые праздничные столы. Они буквально ломались от разнообразия кушаний. Большинство из авторов мемуаров посчитали нужным написать об этом,

поделиться радостными воспоминаниями. О своей семейной трапезе Е.А. Андреева-Бальмонт рассказывала: «В субботу вечером все было готово, из кладовой принесены были *парадные* сервизы и с вечера накрывали стол еще более *парадно*, чем на Рождество: те же блюда с индейкой, ветчиной, телятиной, но посреди стола возвышалась пасха, на ней были сделаны из цукатов буквы Х.В.; по обе стороны – два кулича: один желтый шафрановый, другой белый, обе верхушки, облитые сахаром, были украшены красными бумажными розами. *И гора красных яиц*» [1, с. 113].

А вот восторженный отзыв О.С. Лодыженской, выпускницы Московского института благородных девиц, позднее – сотрудницы Книжной палаты (главный библиограф): «Какой же красивый стол бывал у нас на первый день Пасхи! *Крашеные* яйца, кулич, пасха, окорок, переплетенный *разноцветными* бумажками. Еще няня приготавливала какую-то украинскую колбасу, и, хотя жирного у нас в семье никто не любил, ели ее с соусом из горчицы и уксуса и похваливали. Бывало, выйдешь утром в столовую – *глаза разбегаются*» [16, с. 122].

Подобными яствами обставлялся и стол в доме Н.С. Мезенцовой – правнучки А.С. Пушкина: «Настроение было радостное и праздничное – получали подарки, на обеденном столе, *красиво накрытом*, стояли творожная пасха, *украшенный* кулич, *крашеные* яйца, окорок запеченной ветчины, перевязанный *белым бумажным кружевом* на косточке, и еще разное» [19, с. 98]. Гастрономическое великолепие пасхального стола, его изобильное многоцветье, пышность, запахи, доступность всех лакомств поражали детей в семье Цветаевых, о чем Анастасия

Ивановна, не скупясь на сравнения и эпитеты, с восторгом (не случайно в повествовании так много восклицательных знаков) и поведала в своих воспоминаниях: «*Бледным золотом* апрельских лучей наводненная зала, *парадно* накрыт стол, треугольник (как елка!) творожной пасхи, боярскими шапками (бобрового меха!) куличи, горшки *гиацинтов*, *густо пахнущих*, как только *сирень* умеет, и *таких невероятных окрасок, точно их феерическая розовость, фиолетовость, голубизна – приснилась*. Но они стоят на столе! *Ярмарочное цветение крашеных яиц*, и огромный, *сердоликом (чуть малиновее)* окорок ветчины. Как горели лбы (тайком, нагнувшись под стол, о них разбиваемых круглых яиц – подражание Андрюше), как *пряно пахло* от ломтей кулича, как пачкались в выковыривании изюминок и цукатов пальцы и как, противной горой, наваливалось пресыщение, когда крошка самого вкусного отказывалась лезть в рот! *Каплями янтаря и рубина* остатки вин в оставленных рюмках!» [27, с. 70–71].

Весь этот благодатный мир русской жизни, саму ее суть точно передал в поэтических строках И. Северянин: «Гиацинтами пахло в столовой, / Ветчиной, куличом и мадерой, / Пахло вешнею Пасхой Христовой, / Православною русскою верой» [22, с. 92]. Искренность веры, одушевленность ею, осознание над собой Высшей Правды и ответственности перед Нею выстраивали народную жизнь, детскую в том числе, определяли ее направление и ее особенности.

Н.В. Гоголь, отметив в «Выбранных местах из переписки с друзьями» особенное отношение к празднику Пасхи в России, в то же время с присущей русскому человеку категоричностью,

обращая свой критический взор на соотечественников, с горечью указывал и на свойственные им в бытовой реальности суетливость, честолюбие и даже, порой, равнодушие к ближнему. Писатель сожалел о том, что в пасхальные дни в отношениях между русскими людьми недостает той высочайшей степени искренности, того подлинного внимания друг к другу, к которым располагает и призывает Светлое Христово Воскресение. Взаимопосещения семей оказываются формальными, без радости, а то и «основанными на самых корыстных расчетах» [7, с. 185–186]. Он как бы пророчески призывал их к еще большей душевной самоотдаче для того, чтобы в это день осуществилось главное, на что способен русский народ: готовность, желание «в самом деле взглянуть <...> на человека, как на лучшую свою драгоценность, – так обнять и так прижать его к себе, как наироднейшего своего брата, так ему обрадоваться, как бы своему наилучшему другу...», ибо это «*тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого...*» [Там же, с. 186].

В детских воспоминаниях, к которым мы обращались, нет того негативного, на что указывал писатель. Напротив, в них как раз и передана та искренняя забота о человеке, то сердечное участие в его жизни, о которых он так беспокоился. С.Н. Дурылин, в частности, рассказывал, как о само собой разумеющемся поведении членов своей семьи – отца и матери, в котором важным было стремление порадовать, утешить вкусными подношениями, угощениями других людей. Это было, по его словам, «достойное великой хвалы *вниманье к человеку*»: «Отец бывало спросит

дня за три, за четыре до праздника: “Мамаша, а ты не забыла, что надо Катерине Ивановне пасху и кулич?” – “Нет, не забыла”. – “А в богадельню?” – “Помню”. – “А Серафиме Павловне?” – “Помню”. <...> *Но, чтобы так успокоительно ответить, ей, обремененной заботами о семье в тридцать человек, необходимо удерживать в памяти всех Серафим Павловн, Катерин Ивановн, всех бедных родственников, богаделок и просто чужих людей и семей, которым тайно помогал отец, и вовремя послать им пасху, кулич, крашеные яйца – “дорого яичко к красному дню”, – и у матери всегда оно было – готово к утру Великой субботы, так что все эти полуродные, чужие и совсем неизвестные люди и семьи встречали праздник с красным яичком, полученным из ее рук»* [9, с. 119]. Семья Дурылиных жила по принципу: «всякая душа – самая маленькая, малюсенькая – хочет ласки и привета, который есть не что иное, как вниманье к человеку со всеми его слабостями и дорогами для него мелочами житейскими» [Там же, с. 120]. Особенно наглядно проявлялось это внимание в пасхальные дни; ему как жизненной норме учили родители и своих детей, возвращая в наследниках ростки добра, душевного участия, сострадания, любви к ближнему.

О многочисленных визитерах-поздравителях в их доме на второй день Пасхи, о заботе, которой их окружали, вспоминала Е.А. Андреева-Бальмонт: «священники из-под Москвы, бедные родственники, старички и старушки, служившие у дедушки, богаделки. Для них накрывался чайный стол с закусками, ставились кулич и пасха, специально заготовленные. Они все пили чай с блюдечка, вприкуску с сахаром,

который подавался им наколотый маленькими кусочками. Пили они без конца, по многу чашек, отдуваясь и вытирая пот с лица чистыми носовыми платками, аккуратно сложенными. Они всегда хвалили нашу пасху. “Только у вас покушаешь такую”. Они отказывались от второй порции, но тотчас же соглашались, когда экономка, по настоянию матери, им подкладывала еще и еще на тарелки. Мы любили смотреть, с каким сдержанным удовольствием они угощались» [1, с. 114–115]. Нельзя не отметить, как в данном случае с особым душевным волнением передано то, что увидено детским взглядом: и деликатность поведения гостей, и их благодарность за уважительный прием, и удовлетворенность гостеприимством, и сердечная отзывчивость за внимание к ним.

Хлебосольством, щедростью в угощении отличалась и купеческая семья будущего художника М.В. Нестерова: «Праздничный стол еще накануне больших праздников – Рождества и Пасхи – раздвигался чуть ли не на ползалы. Накрывался огромной белой, подкрахмаленной скатертью, а на нем выстраивалось целое полчище разнообразных бутылок, графинов, графинчиков. Впереди них помещался слева огромный разукрашенный окорок, дичь, паштет, потом разные грибы, сыры, рыба, икра и прочее. <...> Гости, больше купечество, приезжали, садились, обменивались праздничными новостями, выпивали, закусывали и ехали дальше, а на их место появлялись новые» [20, с. 35].

В такие моменты случались в детской жизни и забавные приключения, в которые ребята попадали в силу своего любопытства, озорства,

проказливости. В памяти того же Нестерова сохранился такой эпизод: «...весь дом, усталый за день, задремал. И только мы с Николашкой, мальчиком из магазина, бодрствовали, оставаясь в зале, тихо играли, катали яйца, и не помню, кому из нас пришла соблазнительная мысль выпить и закусить. Налили, недолго думая, по рюмочке “Беникорло”, выпили и закусили икрой. Нам понравилось – повторили и особенно налегли на вкусную зернистую икру, которой было много в хрустальной посуде. И тогда только мы опомнились, когда икры осталось лишь на дне... Опомнились и испугались... Как быть?» [Там же, с. 36]. А потом мальчишки порешили «свалить» свою вину на одного из гостей. Конечно, взрослые все поняли и не поверили им. «Ну и досталось нам тогда обоим!» – признавался автор.

Пасха – это не только семейный, но и всенародный праздник, в который устраивались народные гуляния с музыкой, многоголосым пением, балаганами, качелями и каруселями. М.В. Нестеров запечатлел в своих воспоминаниях характерные для русской жизни картины: «Еще помнится такое: ранняя весна, Пасха. Посмотришь из залы в окно или выскочишь, бывало, за ворота, что там творится? А там празднично разряженный народ движется по улице к качелям. <...> К первому дню Пасхи все готово, действует с шумом, с гамом, с музыкой. Народ валит туда валом. Солнце светит особенно ярко. В воздухе несется радостный пасхальный звон. Все веселится, радуется, как умеет. Пьяных еще не видно, – они появятся к вечеру, когда все наслаждения дня – балаганы, качели – будут пережиты, когда горожане побывают

друг у друга, попьют чайку, отведают пасхальных яств и напитков. Вот тогда-то и пойдет народ с песнями, с гармоникой» [Там же, с. 33].

Дети являлись непременно участниками этих развлечений. Конечно, особенно их привлекали различные игры. Были среди них достаточно известные и популярные в детской среде: игра-соревнование «Катание яиц», «чокание» яйцами и другие. Н.С. Мезенцова рассказывала: «Днем катали яйца, крашенные и деревянные, с катка (катки бывали разных размеров). Игра была простая: если яйцо стукалось о другое, оно “забирало его” – и кто больше собирал, тот и выигрывал. Приходила играть к нам вся прислуга, и мы это очень любили. Неделя проходила празднично. Приходили к нам наши однолетки и родные, играли в разные веселые игры, и мы бывали у своих друзей и тоже веселились, а один день в эту неделю был отдан обещанному театру – вероятно, балету» [19, с. 98].

Разнообразием примеров занимательных детских игр на Пасху отличаются воспоминания сына священника А. Таева. Некоторые из них разделялись по половому признаку: для девочек и для мальчиков. «Но была игра в яйца специально девичья, – пояснял он, – за участие в которой нас мальчиков дразнили так же, как и за всякое другое соучастие в “девичьем деле”, например, за игру в куклы, за шитье тряпок вместе с ними: “Девушник!”. Иногда даже в стихах, смысл которых мне был не ясен: “Девушник-ушник / В подворотню шмык”. Эта девичья игра называлась у нас “в подкучки”. Я в ней нередко принимал участие, не обращая внимания на обидное название. Насыпалось несколько кучек песку, настолько высоких,

чтобы в каждой из них можно было укрыть яйцо. На каждого из играющих должно быть по две кучки. Затем под одну из пары кучек каждой или каждым из игроков пряталось по яйцу при помощи не участвовавшей в игре девочки. <...> В результате обязательно кто-нибудь выигрывал по яйцу, и кто-нибудь проигрывал столько же, так как у одного обе кучи могли оказаться пустыми, а у другого и та и другая с яйцами. Розыгрыш же случался очень редко» [23].

Игра мальчиков отличалась своими правилами, она состояла «в битве яиц»: «Каждый игрок брал по “биту”, т.е. сваренному “вкрутую” яйцу с крепкой скорлупой. Затем один держал яйцо “пушкой” вверх, а другой должен был ударить по нему “носиком” другого яйца. Чье яйцо при этом разбивалось, тот и проигрывал. Выдержавшее удар яйцо продолжало играть, превращаясь из “наковальни” в “молот” или наоборот» [Там же]. В своих воспоминаниях этот автор приводил также пример особой ребячьей игры – «в *плошки*». Она была одной из самых любимых, требовала «движенья, простора, воздуха, беготни, сопровождалась веселым криком, от которого развивались и крепили легкие», привлекая детвору своей подвижностью, возможностью проявления ловкости, быстроты бега. Забава эта начиналась в пасхальные дни, а затем продолжалась и все лето [Там же].

Обязательной составляющей праздника Пасхи было вручение подарков. Дети прежде всего запомнили то, что им доставалось в эти дни. М. Волошина, испытывавшая восторг от презента, вспоминала: «...я получила пасхальный подарок – книгу “Светило Азии” Эдвина Арнольда,

переведенную моим дядей Ивановом с английского. <...> Это легенда о Будде. Я сейчас же начала ее читать, и книга захватила меня так, что я не могла не протанцевать ее через всю анфиладу комнат. Танец был моим прибежищем и в радости, и в горести» [6, с. 85]. Показательно, что дарение книг воспринималось детьми с особой благодарностью, вызывало неподдельные восторг и радость. В памяти К.Н. Боратынской остались такие впечатления: «А утром, проснувшись, я находила подле кровати накрытый маленький столик с маленьким куличиком и пасхой, и тут же лежали подарки: деревянные яйца с какими-нибудь сюрпризами. Однажды я увидела что-то коричневое, грудой наложенное на столике. Я долго, лежа в кровати, приглядывалась. Наконец встала. Это было двенадцать томиков полного собрания сочинений Пушкина, которое подарил мне папа (до сих пор некоторые из этих томиков живы)» [3].

Любопытен в этом плане и рассказ А.И. Цветаевой. Для нее самой книга в числе подарков была не так важна, ее больше занимали другие подношения. Иное дело – сестра Марина. Обилие и разнообразие подарочных сюрпризов, конечно, не могло не поражать детей. Вот что запечатлелось в детской памяти маленькой Аси: «И ненасытное счастье безраздельного обладания: новые книги, новые цветные карандаши, новые перочинные ножи, шкатулки, альбомы, новые яйца: стеклянные, каменные, фарфоровые – не считая бренности шоколадных, сахарных. “А Муся вся провалилась в книгу”, – слышится голос мамы. И в то время как она с головой, как Ундина в родной Дунай, окунулась в колодец легенды, – я, прищу-

рясь одним, приложив к другому глазу таинственное стеклышко яйца, глотала его пустоту, за которой у его глухого конца светилось какое-то волшебное изображение. Нам еще дарили тоненькие цветные карандаши (сверху цветные), и этот цвет был сияющий: упоительно-синие, упоительно-зеленые, розовые, сверкавшие, как сверкают только золото или серебро в елочных украшениях. Писали они черным цветом. А еще: похожее на те яйца – с виду карандаш – нарядный, в оправе. Повернешь его кончиком к глазу, а там, в туго в него вставленном стеклышке, светится далекий крошечный город или еле различимые зрением картины из библейских рассказов, сияющие насквозь. <...> Эти карандаши жили среди других, как волшебницы среди обыкновенных людей» [27, с. 71] (выделено автором. – Н.Д.).

Детские воспоминания о полученных на Пасху подарках впечатляюще представляют и саму атмосферу Великого дня, и отношение родителей к детям, стремление одарить их вниманием, сделать праздник счастливым, запоминающимся. Радость от этих дней сливалась у ребенка с радостью и счастьем от новых, необычных, поражающих воображение приобретений. Подарки «закрепляли» особое отношение к Светлому Христову Воскресению, озаряющему души «сиянием вечным», наполняли чувством благодати и доверия к Нему. Вероятно, память об испытанных в детстве эмоциях и отразилась в таких строках поэта Г. Иванова: «А поутру как сладко встать / В пасхальном свете, / И радостью затрепетать / Светло, как дети» [12, с. 415].

Трепетным светом добра, любви, благодарности озарены пасхальные

страницы мемуаров, к которым мы обратились. Вся жизнь их авторов так или иначе шла затем под знаком впечатлений, полученных в детстве. Они оказали особое влияние и на их личностные качества, и на отношение к вере, и на выбор жизненного пути. К.Н. Боратынская, в частности, признавалась: «Пожалуй, в этих ранних детских переживаниях сложился мой, может быть, слишком восторженный характер, который, однако, придал моей жизни очень яркую окраску» [3].

У кого-то испытанные в детстве чувства, запавшие в душу живописные, музыкальные образы определили специфику их дарования. Так произошло, например, с М.В. Нестеровым. На это в своей книге о художнике прямо указал С.Н. Дурылин: «...важно то, что Нестеров еще в детстве нашел в этом кругу (бытового обряда православия. – Н.Д.) зерно народной русской красоты, умел извлечь из этого обихода замечательный художественный материал для построения своего поэтического сказания о родине, о ее природе и человеке» [10, с. 26].

А один из мемуаристов прямо связал, соединил очарование дней Светлого Воскресения с неповторимым по силе и красоте чувств временем детства: «Я так любил Пасху, что самую жизнь свою я считал по Пасхам, как дерево определяет свой возраст по концентрическим кругам, заметным на срезе. <...> Ни в одно

время года мне так живо не вспоминается детство, как именно на Пасху. И само детство, при взгляде теперь на него, что такое, как не светлый праздник – Пасха?» [23].

Вдохновенно пережитое в раннем возрасте у всех авторов воспоминаний вошло в душевный состав, определило нерушимые жизненные ценности, высоту нравственного чувства, с которым они прожили отпущенные им дни, укрепило и возвысило в их сознании само чувство Родины. Недаром же поэт И. Северянин в стихотворении «Пасха в Петербурге» писал: «Пусть нелепо, смешно, глуповато / Было в годы мои молодые, / Но зато было сердце объято / Тем, что свойственно только России!» [22, с. 92]. Строки эти возвращают нас к признаниям выдающихся людей России, процитированным в начале статьи. Именно так, особым сердечным переживанием, отзывался русский человек на праздник Светлого Христова Воскресения – день торжества православной веры. Услышим же напутственное слово великого знатока обычаев и традиций русской жизни В.И. Даля: «Православие – великое благо для России... <...> Сколько я ни знаю, нет добрее нашего русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого, что он православный... Поверьте мне, что Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней православие» [Цит. по: 24, с. 297].

Библиографический список

1. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1997.
2. Батюшков К.Н. Стихотворения. М., 1987.
3. Боратынская К.Н. Мои воспоминания. URL: <https://ducheesselisa.livejournal.com/236702/html?ysclid=Iqtrnae3un102385526> (дата обращения: 05.04.2023).
4. Венец лета. Русские классики о православных праздниках. М., 2019.

5. *Вертинский А.Н.* Дорогой длиною... М., 1991.
6. *Волошина М.* (Сабашникова М.В.). Зеленая змея. История одной жизни. М., 2015.
7. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 6. Духовная проза. Критика. Публицистика. М., 1994.
8. *Дурылин С.Н.* В своем углу. М., 2006.
9. *Дурылин С.Н.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 2014.
10. *Дурылин С.Н.* Нестеров в жизни и творчестве. М., 2004.
11. *Иванов В.И.* Родное и вселенское. М., 1994.
12. *Иванов Г.В.* Стихотворения. СПб., 2005.
13. *Ильин В.Н.* Эссе о русской культуре. СПб., 1997.
14. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Пасхальная весть. М., 2016.
15. *Куприн А.И.* Пасхальные колокола. URL: <http://kuprin-lit.ru>kuprin/proza/pashalnnye-kolokola.htm> (дата обращения: 15.04.2023).
16. *Лодыженская О.С.* Ровесницы трудного века: Страницы семейной хроники. М., 2017.
17. *Лукашевич К.В.* Мое милое детство. М., 2005.
18. *Мартынов В.И.* История богослужебного пения: учебное пособие. М., 1994.
19. *Мезенцова Н.С.* «В них обретает сердце пищу...»: Из записок правнучки А.С. Пушкина. М., 2019.
20. *Нестеров М.В.* О пережитом. Воспоминания. М., 2006.
21. *Паустовский К.Г.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4. Повесть о жизни. М., 1968.
22. *Северянин И.* Стихотворения и поэмы. М., 1990.
23. *Таев А.* Пасха. Из детских воспоминаний. URL: <https://rus-strategia.livejournal.com/3139140/html?ysclid=lqxhqmlt3q551283162> (дата обращения: 05.04.2023).
24. *Тарасов К.Г.* Пасхальные мотивы в творчестве В.И. Даля // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов. Вып. 2. Петрозаводск, 1998. С. 295–302.
25. *Тэффи Н.А.* Ностальгия: Рассказы. Воспоминания. Л., 1989.
26. *Флоренский П.А.*, священник. Сочинения: В 4 т. М., 1994.
27. *Цветаева А.И.* Воспоминания. М., 1995.
28. Час молитвы: Библейские мотивы в русской поэзии. М., 2001.

References

1. Andreeva-Balmont E.A. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, 1997.
2. *Batyushkov K.N.* *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, 1987.
3. *Boratinskaya K.N.* *Moi vospominaniya* [My memoirs]. URL: <https://ducheesselisa.livejournal.com/236702/html?ysclid=lqtrnae3un102385526>
4. *Venez leta.* *Russkie klassiki o pravoslavnykh prazdnikakh* [The Crown of Summer. Russian classics about Orthodox holidays]. Moscow, 2019.
5. *Vertinsky A.N.* *Dorogoj dlinnoyu...* [By the long way]. Moscow, 1991.
6. *Voloshina M.* (Sabashnikova M.V.). *Zelenaya zmeya. Istoriya odnoj zhizni* [Green snake. The story of one life]. Moscow, 2015.
7. *Gogol N.V.* *Sobranie sochineniy v 9 t.* [Collected works in 9 vols.]. Vol. 6. *Spiritual prose. Criticism. Journalism.* Moscow, 1994.
8. *Durylin S.N.* *V svoem uglu* [In your corner]. Moscow, 2006.
9. *Durylin S.N.* *Sobranie sochineniy v 3 t. T. 1* [Collected works in 3 vols. Vol. 1]. Moscow, 2014.
10. *Durylin S.N.* *Nesterov v zhizni i tvorchestve* [Nesterov in life and creativity]. Moscow, 2004.
11. *Ivanov V.I.* *Rodnoe i vselenskoe* [Native and universal]. Moscow, 1994.
12. *Ivanov G.V.* *Stikhotvoreniya* [Poetry]. St. Petersburg, 2005.
13. *Ilyin V.N.* *Esse o russkoy kulture* [Essay on Russian culture]. St. Petersburg, 1997.
14. *Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia.* *Paskhalnaya vest* [The Easter message]. Moscow, 2016.
15. *Kuprin A.I.* *Paskhalnye kolokola* [Easter bells]. URL: <http://kuprin-lit.ru>kuprin/proza/pashalnnye-kolokola.htm>

16. Lodyzhenskaya O.S. Rovesniki trudnogo veka: Stranicy semejnoy khroniki [The peers of a difficult age: Pages of the family chronicle]. Moscow, 2017.
17. Lukashevich K.V. Moe miloe detstvo [My sweet childhood]. Moscow, 2005.
18. Martynov V.I. Istoriya bogosluzhebnoy peniya [The history of liturgical singing]. Study guide. Moscow, 1994.
19. Mezentsova N.S. «V nikh obretaet serdce pishhu...»: Iz zapisok pravnuchki A.S. Pushkina [“The heart finds food in them”...: From the notes of the great-granddaughter of A.S. Pushkin]. Moscow, 2019.
20. Nesterov M.V. O perezhitom. Vospominaniya [About the experience. Memoirs]. Moscow, 2006.
21. Paustovsky K.G. Sobranie sochineniy v 8 t. [Collected works in 8 vols.]. Vol. 4. A tale of life. Moscow, 1968.
22. Severyanin I. Stikhotvoreniya i poemu [Poetry and poems]. Moscow, 1990.
23. Taev A. Paskha. Iz detskikh vospominaniy [Easter. From childhood memories]. URL: <https://rus-strategia.livejournal.com/3139140/html?ysclid=lqxhqmlt3q551283162>
24. Tarasov K.G. Easter motifs in the work of V.I. Dahl. *Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov: Citata, reminiscenciya, motiv, syuzhet, zhanr*. Petrozavodsk, 1998. Vol. 2. Pp. 295–302. (In Rus.)
25. Taffy N.A. Nostalgiya: Rasskazy. Vospominaniya [Nostalgia: Stories. Memoirs]. Leningrad, 1989.
26. Florensky P.A., priest. Sochineniya v 4 t. [Works in 4 vol.]. Moscow, 1994.
27. Tsvetaeva A.I. Vospominaniya [Memoirs]. Moscow, 1995.
28. Chas molitvy: Bibleyskiye motivy v russkoj poezii [Hour of prayer: Biblical motifs in Russian poetry]. Moscow, 2001.

Статья поступила в редакцию 25.04.2023, принята к публикации 25.05.2023

The article was received on 25.04.2023, accepted for publication 25.05.2023

Сведения об авторе / About the author

Дворяшина Нина Алексеевна – доктор филологических наук, доцент; главный научный сотрудник лаборатории литературоведческих и лингвистических исследований, Сургутский государственный педагогический университет

Nina A. Dvoryashina – ScD in Philology, Associate Professor; chief research fellow at the Laboratory of Literary and Linguistic Studies, Surgut State Pedagogical University

E-mail: dvoryashin@bk.ru